

Концертом Деборы Войт открылся фестиваль «Русская зима»

Королева снизошла до оркестра-плебея

Поляра Садых-заде

«Дебора Войт, Дебора Войт» — по Москве шелестели слухи: вот, мол, наконец-то приезжает настоящая звезда, не бывшая, не отпевшая свое, а действующая и востребованная. Американка, поет в Met, выступает на самых престижных оперных сценах, с самыми лучшими дирижерами — Клаудио Аббадо, Лорином Маазелем, Куртом Мазуром, Джеймсом Ливайном — и прочая, и прочая. К тому же похудела: одни говорят, на 45, другие — на 64 килограмма — факт, вызывающий уважение. И в Москве бывала: в 1990 году завоевала Первую премию на конкурсе Чайковского. Словом, меломаны преисполнились ожиданий: вот сейчас, в канун Рождества, услышат самое яркое, мощное и стабильное soprano в мире.

Войт и в самом деле оказалась хороша: вышла в пышном черном шелестящем платье с серебряными блестками — ни дать ни взять, Царица Ночи — и запела красивым, ровным, наполненным звуком, излучая в зал радость и приятность. Сначала — сцену Елизаветы из «Тангейзера»: коротко и мило. Потом пошли вещи по-серьезнее: «Смерть Изольды» из «Тристана и Изольды». Примадонна провела партию безукоризненно, однако уверенный, ничем не нарушаемый покой и безмятежность, живущие в душе этой корпулентной американки, остались при ней. Такое впечатление, что пронзительно острый, онтологический трагизм бытия, из которого и возникает музыка вагнеровского «Тристана», ею был просто вынесен за скобки как нечто чуждое и далекое. Тут-то и вспомнилось, как захватывающе страстно пела осенью Вагнера Вальтрауд Майер: певица выходила на качественно иной уровень понимания Вагнера — за пределы глубокий, личностный. Майер пела всем своим существом; Дебора Войт — только голосом.

В программе второго отделения значилась финальная сцена из «Саломеи» Штрауса — та самая, где Саломея долго разговаривает с головой Иоканаана, лежащей на блюде, и целует ее в мертвые губы. Войт спела ее эффектно, в меру экспрессив-

Фотограф: Франк Вильягра / Газета

но: примат ровного, сияющего солнечным светом вокала над содержанием изломанной декадентской драмы о ночи и смерти был очевиден. Это несоответствие смущало; в нем крылся некий диссонанс, замутняющий восприятие образа. И вновь вспомнилась Вальтрауд Майер: вот у кого артистичность, переживание и совершенное пение сливались в гармоническое единство!

Впрочем, сама возможность сравнить двух выдающихся певиц современности, выступавших в Москве на протяжении одного сезона, — уже положительный признак. Он свидетельствует о том, что Москва медленно, но верно превращается в одну из ведущих музыкальных столиц мира, если судить по количеству звездных гастролеров и интенсивности концертной жизни. Качество, правда, часто хромает: никогда не знаешь наперед, повезет ли тебе или попадешь на очередную халтуру. Вот и тут: певице экстра-

класса пришлось выступать с отнюдь не первоклассным оркестром. «Новая Россия» — оркестр Юрия Башмета, но в этот вечер дирижировал Евгений Бушков, в меру своего понимания и умения «отоваривая» сложнейшие вагнеровские и штраусовские партитуры.

Оркестру дали поиграть вволю: видимо, для того чтобы разгрузить певицу. Исполнили редко звучащую вагнеровскую увертюру «Фауст», его же «Прибытие гостей в Вартбург» из «Тангейзера» и — страшно представить! — мистичнейшее вступление к «Тристану», для которого потребен высочайший уровень содержательного музыкантского мышления. Затем настало время Рихарда Штрауса: Сюита вальсов из «Кавалера роз» и «Танец семи покрывал» из «Саломеи». Оркестр вопиюще не соответствовал королевскому уровню и статусу Деборы Войт, и это было очень заметно.